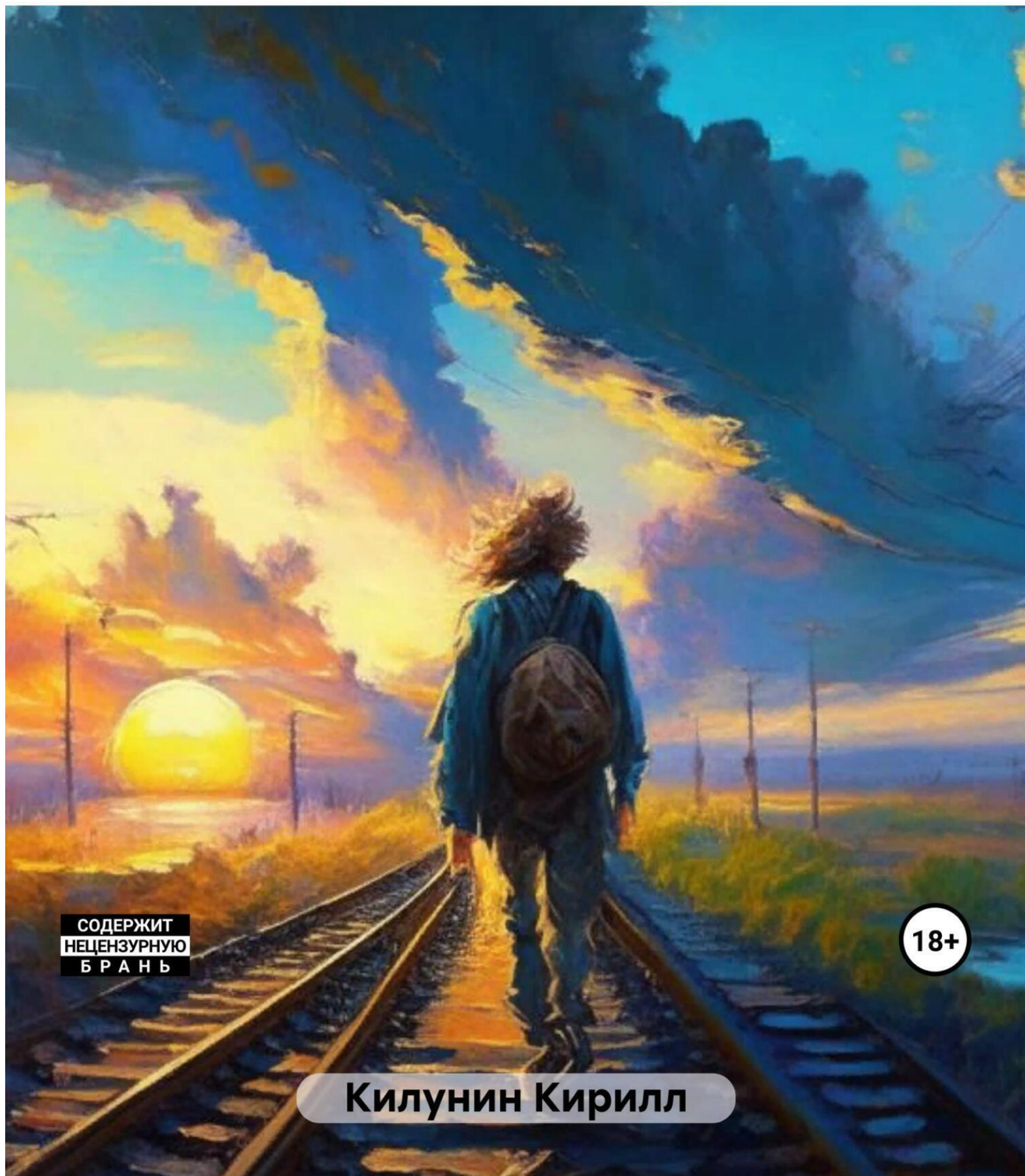

Вожатый...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Килунин Кирилл

Кирилл Килунин

Вожатый...

«Автор»

2019

Килунин К. Б.

Вожатый... / К. Б. Килунин — «Автор», 2019

Кто ты? Вожатый... Зачем.... ты здесь? Куда ты идешь? Если еще не знаешь, возможно эта книга покажет тебе этот путь. Если ты им пройдешь, то уже никогда не будешь тем, кем был.. прежде. Содержит нецензурную брань.

© Килунин К. Б., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1. Серая ворона и Филин	5
2. Мои галчата и новые знакомства	8
3. Партизаны. Птичка – синичка или мой хвостик по имени – Ксю	11
4. Глухонемые птицы, утята и хулиганы	14
5. Девяносто девять мешков шишек или чем мы вообще там занимались... Валерия и гусь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кирилл Килунин

Вожатый...

Ты уже никогда не станешь тем, что был вчера...

1. Серая ворона и Филин

«Неуютно чувствую себя в незнакомом месте, думаю, это нормально, такое бывает, наверное, и у тебя. Новое место для меня просто не существует, его как бы – нет, потому, что я его еще не видел, не ощущал, не запечатлел в своей памяти, в голове, сознании. И, наверное, поэтому, на новом месте мне всегда отчего-то – больно, неудобно и волнительно – одновременно. Это – все, похоже на акт рождения, происходящий с обратной стороны зрачков.... Чтобы то, что я не знаю – появилось, его нужно создать... я просто создаю внутри себя это новое место. И вот тогда, оно есть...» – Все эти глупости – кружатся в моей голове – стаяй всполошенных ворон: «кар-ррр...». Когда я выхожу на незнакомой станции электрички, стая ворон взлетает в бескрайнее синее небо, рассыпаясь в нем горошинами черного жемчуга или просто точки – черные точки в небе. А вокруг меня – зеленые холмы – словно волны вздыбленной земли, на них какой-то несчастный – пошарпанный лес, состоящий из кривобоких елок и тщедушных осин, колышущихся как трава на ветру. Наверное, так выглядит весь лес вблизи мест постоянного обитания человека, такой лес болеет людьми, а люди зовут его – сорным, не понимая, что это они сами – насорили.

– Вперед! – Я словно – первопроходец, по крайней мере – чувствую себя им, ибо иду первым, рядом совсем никого нет. Насколько я могу видеть впереди – тянутся серебряные иглы рельс, покрытые черной патиной, они пронзают пространство до самого горизонта. И провода в небе, по ним, наверное, бежит ток, точно я не знаю, никогда об этом не думал.

За зеленые холмы уходит пыльным серпантинном старая грунтовая дорога, там, я знаю – чахнувшее село с говорящим названием – Неволينو. Нет, конечно, оно мне ничего не говорит. Современные села, в общем-то, довольно молчаливые существа. Просто – знаю сам, читал когда – то или слышал. Это – старая по времени местных земель, вотчина посадского человека – бывшего беглого Ивашка Неволина, присланного с другими страдальцами злыми купчинами Строгановыми, чтобы утвердить за собой право на эти места, для «обживания и возделывания», а также торговли солью. И народец здесь изначально был невольным, но жутко свободолюбивым, не зря при осаде городка – Кунгура пугачевцами в 1774 г. Неволينو было избрано базой повстанцев. С тех пор местные партизаны измельчали, потеряли былой пыл, и отчасти – спились. Место это мне как городскому жителю, кажется – глухим и мало приятным для посещения, но я туда и не рвусь, мне нужно идти вдоль рельсов км. два, пока не дойду до отворота на детский лагерь «Ирень». Вспомню свое прошлое пионерство – буду работать там вожатым, и еще помощником инструктора по сплавам. – Раз-два – табань, три – четыре – гребни. И я гребу.... Никогда до этого случая не работал с детьми, поэтому я совсем не тороплюсь добраться до конечной точки пути, и приступить к этому новому, теперь уже – своему делу. Иду – иду. Нет, просто растворяюсь, теплый ветер в лицо: запах разнотравья, нагретого солнцем ржавого железа и близкого леса с его манящей прохладой, пением птиц и шорохами больших деревьев. Ты слышишь, как гудят сосны, когда в их кронах прячется ветер...? И так хорошо – душе.... Небо, даль под ногами. Я, кажется, напеваю что-то из своей пионерской юности: про звезду Альтаир, изгиб желтой гитары, пытаюсь настроить свой камертон для нового звучания – быть взрослым, учить чему – то тех, кто меньше меня, рассказывать им об этом мире, сделать

так чтобы они меня слушали, понимали и возможно – любили. Я думаю, что если человека не любят, с ним что-то не так, мир создан для любви, мне двадцать лет.

– Модой человек... Не могли бы вы меня подождать...?

Я оборачиваюсь на половине куплета – про далекую звезду, к которой устремляют свой полет мириады космических кораблей. Это просто местная аборигенка, длинная мешковатая юбка, на ногах татарские резиновые калоши, сей наряд дополняет растянутый свитер цвета детской неожиданности и бледно фиолетовое лицо – женщины, которой может быть от тридцати до пятидесяти лет, если бы она не спилась, возможно, мне бы удалось точнее определить ее возраст. Если бы... У нее, очень красивый голос, чувственный с хрипотцой, четко поставленные гласные и ударения. Если закрыть глаза и стереть тот образ, что маячит перед моими глазами, я вижу свою бывшую учительницу музыки – интеллигентку в седьмом поколении с примесью дворянской крови и воспитанием дореволюционной институтки. А при виде этой женщины, хочется закрыть глаза и больше их не открывать. Никогда. Благодатная темнота, мам – роди меня обратно. Мне кажется, она еще помнит, кем была, поэтому держится достойно, пока не понимаешь смысл ее слов, можешь ее уважать.

– Ты похож на моего сына..., может это ты, Володя...? Ты ушел пять лет назад и так и не написал своей мамке...

– Я, не Володя...

– Ты мне не лжешь...?

– Нет.

– Вижу, ты городской... Не можешь подкинуть немного денег на хлеб...

Я смотрю внимательно на ее оплывшее, когда-то действительно красивое лицо с тонкими чертами и большими синими глазами, и четко говорю:

– Нет.

– А я тебе нравлюсь, – спрашивает эта пьянчужка, кажется, пытаюсь кокетничать.

Я смотрю на нее, и вижу девочку лет семнадцати, что однажды почувствовав свою привлекательность, решила поиграть с этим миром в прятки, и растерялась. Она все еще прячется, где-то на дне зрачков, стоящей передо мной пустоты, наполненной одним желанием – стакан водки или любой дешевой бадяги, чтобы забыть, кем она была, и убить свою боль от того, что не может найти дорогу назад, нося с собой ад теперешнего существования.

– Нет, – я убыстряю свой шаг, чтобы не знать до чего она еще там может договориться, мне двадцать, я бескомпромиссен в своих суждениях и чудо как подвержен юношескому максимализму. Люди – виновны сами, за то, как они живут. Но отчего – то я чувствую и свою вину, возможно, потому, что я тоже – человек.

Петь уже совершенно не хочется, чтобы прогнать те мысли, что носятся в моей голове, выплескиваю их наружу с надрывным смехом. Возможно, в этот момент я похож на совершенного – психа. Но мне пофиг, я набираюсь всем тем, что может прогнать эту грязь, смыть ее навсегда: небом, лесом, холмами и дорогой, я – частица всего этого, стремительно летящая к центру своего бытия, как кафкианские вещи – стремятся к центру стола. У меня есть цель и новое дело, я молод и глуп, мне так много нужно для счастья. А может быть – ничего. Я еще не знаю, но чувствую, что счастье может быть без ничего. Но не верю в эту простую максиму.

Когда я попадаю в лес, я понимаю, что он живой – наполнен шорохами крыльев, мягкой паутиной солнечных лучей, шныряющими мимо мышами, прыгающими с ветки на ветку рыжими белками. По дороге мне попадается пара больших муравейников, мне кажется, что если я закрою глаза..., но я их не закрываю, просто иду...

Под ногами узкая дорога из бетонных плит, раньше такие дороги устраивали от шоссе до военной части – где-то в глуши, а еще, наверное, такая дорога была у братьев Стругацких

в «Обитаем острове» или в «Трудно быть богом». Жду, когда на обочине начнут появляться старые подбитые танки и космические – летательные аппараты, но их нет...

Но вот, впереди замаячили облезшие железные ворота – выкрашенные серебрянкой с уже подзабытой советской символикой: алые звезды, горны, колосья и отчего-то – чайка. У ворот, с сигаретой в зубах, в растянутых на коленях трениках и алой олимпийке с надписью СССР, топчется приземистый полноватый мужчина с круглым серым лицом и серыми волосами. Когда я подхожу ближе, вижу что глаза у него с ободком как – будто с желтым отливом. Это – сторож, он же единственный охранник в лагере Ирень.

– Привет, пионер!

– Привет, – я протягиваю руку для рукопожатия. Касанье его руки мягкое и невесомое – словно вата.

– Работать?

Я, киваю. Он хромает неспешно, чтобы открыть закрытые ворота. Потом у костра, он расскажет, что сам – коренной сибирский казак – был в горячих точках в Афгане, в Сербии и на Кавказе, а по – пьяни, кочегару – Вите разболтает, что отрубил себе палец на ноге, чтобы не идти служить в армию, а родился в небольшом хуторе, где – то под Херсоном, на Украине. Фамилия его – Филин. Наверное, поэтому я не смогу ее забыть. И, уже двадцать лет спустя, случайно, пересекаясь со старыми знакомыми – теперь беженцами с незалежной, узнаю, что «да они слышали, что какой-то Филин – «погиб под Донбассом», «подробностей не знают». В ту минуту, я подумал только об одном: «по какую сторону, он принял свою смерть...», надеюсь это – была «правильная сторона», ведь с его инвалидностью, его не должны были призвать в армию, да и возраст у него был уже солидный – под шестьдесят. Не знаю тот ли это Филин, и что из двух его рассказов было правдой. Но почему – то думаю, что – тот...

Перед тем как пройти сквозь ворота детского лагеря «Ирень», я хочу вспомнить лицо своей случайной попутчицы, но у меня ничего не получается, я вижу только серую ворону, готовую сорваться и улететь...

2. Мои галчата и новые знакомства

Начальник лагеря «Ирень» похож на предводителя викингов на пенсии. Два метра роста и богатырская стать, седые длинные волосы, которые он завязывает в конский хвост, бесцветные холодные глаза, выпирающая вперед квадратная челюсть и кулаки размером с голову младенца. Я думаю, что ему за пятьдесят, но может все сто лет или тысячу лет. Почему? Потому что, он весь такой уставший от жизни, как будто – окаменевший, медленно передвигающийся по своему захламленному кабинету. При этом стремительный в своих движениях. Например, когда он роняет шариковую ручку со стола, то ловит ее налету. Я вижу в нем арктический айсберг, потому что то, что снаружи лишь верхушка его внутреннего я. Его внутреннее я, возможно один из тех, кто уцелел, затерявшийся в далекой северной стране, после падения Асгарда.

– Садись....

Я присаживаюсь на стоящий в углу венский стул, соседствующий с затертым офисным креслом на колесах.

– Работал раньше с детьми?

– Нет.

– Зачем ты здесь?

– Мне интересно себя испытать.

– Хорошо, институт культуры говоришь.... четвертый курс, двадцать лет... У нас набираются большие отряды, лагерь выиграл бюджетный грант на обслуживание малообеспеченных семей и детей из детских домов. Поэтому, у тебя будет двадцать один человек...., возьми себе – седьмой, потянешь.

Я с сомнением киваю.

А он даже на меня не смотрит, как будто сам собой разговаривает, скорее всего, так и есть.

– Один конечно не справишься, – продолжает директор лагеря, – дам тебе под крыло двух девчонок первокурсниц из педа, – уставший от жизни асс вздыхает. – Ирина!!! – кричит он зычным басом, так что звенят стекла в разошедшихся рамах. В кабинет тут – же влетает худенькая блондинка, похожая на маленького принца, таким, каким я представлял его, читая Сент-Экзюпери. Вся такая – миниатюрная, безумно кудрявая, и с большими чистыми, как утреннее небо глазами, одета в широкие брюки и белую блузу с расклешенными рукавами. – Да Георгий Вотанович....

– Позови мне тех двух – птичек, что прилетели пару часов назад, кажется, я нашел, куда их пристроить.

Моих помощниц – воспитателей зовут – Алеся и Надежда.

Алеся – тихая – улетевшая в небеса, сероглазая, мягкая в общении, и жесткая в принятии важных решений – личность, похожая характером на Асоль – Александра Грина.

Надежда, быстро ставшая Надюшкой, свой парень, коротко стрижена, деловитая, смешная, нелепая и вечно смеющаяся, чрезмерно серьезная, наивная, добрая, имеющая трех братьев и поэтому так легко находящая общий язык для общения и справляющаяся с нашими отрядными пацанами, коих в отряде оказалось меньшинство, всего семь человек.

Мы смотрим друг – другу в глаза. Но, совершенно не успеваем привыкнуть друг к другу, испытать дружеское доверие, или проникнуться взаимопониманием того, что оказались в одной упряжке и теперь нам, не имеющим какого либо опыта, придется тянуть эту ляжку,.... как нас вызывают в актовЫй зал, и представляют теперь уже – нашему седьмому отряду.

Сказать, что на сердце у меня похолодело, а по спине пробежало целое стадо отборных ругающихся нехорошими словами мурашек, значит не сказать ничего. Этим детишкам,

я, почему то представлял их такими детсадовцами или хотя бы – первоклашками. А этим, от 12 до 15 лет, двадцать один человек, хотя там были такие тети, которые на голову выше моих Алеси и Надежды и на пару размеров чашечек лифа для груди тоже больше.

С той и с этой стороны смотрят напряженно – испуганно, при этом с некоторой степенью чертячьего озорства. Это как будто тебя позвали играть в новую и незнакомую игру, ты ожидаешь самых неожиданных впечатлений, надеешься, что все будет просто класс, но при этом конечно мандражируешь на полную катушку.

Таково мое первое впечатление, Надя и Алесь думали примерно о том же, я спрашивал их потом, а второе, вторая внезапно возникшая в моей голове мысль была: «Почему, они все темноволосые, всего три четыре – отчасти блондинистых ребетенка». И тут же, возникла третья мысль: «мои – галчата». Так я их и называл до конца этой самой смены, конечно только про себя, возможно, они, такие все из себя показательно – независимые и желающие казаться взрослыми обиделись бы на это прозвище. А может быть, просто рассмеялись, и сказали, что так и есть, но я об этом, никогда не узнал. Как же они галдели, стопроцентные галчата – непоседливые и немножечко вредные и чудо, какие беспечные птицы.

После знакомства, когда каждый назвал свое имя, девчонки – воспитатели предложили и их называть просто – по имени, а я только с отчеством в придачу, скорее для солидности – завоевания авторитета, но еще хотелось услышать, то, как меня еще никогда не называли. Галдя и напряженно улыбаясь, мы все отправились обживать в седьмой корпус, похожий на длинный деревянный барак, возвышающийся метра на три от земли – стоящий на сваях, с пятью комнатами, в каждой пять кроватей, пять тумбочек и проходной коридор, в котором располагался отдельный туалет и умывальник.

Конечно, я тут же задумался: «где я буду жить», но не успел довести эту здравую мысль до логического завершения, когда началось...., можно сказать – завертелось.... В нашем седьмом корпусе на кроватях не было матрасов, совсем, их пришлось перетаскивать со склада – практически в километре отсюда. Потом конечно не хватило одной кровати, ее по частям я притащил втихую из незаселенного соседнего корпуса, и полчаса собирал. Не работали замки в трех комнатах из пяти, залил подсолнечным маслом, раскрутил и вызвал слесаря, обещая купить ему бутылочку пива на опохмел. В одном из туалетов после непродолжительного с ним общения насмерть засорился унитаз, в который четверо сходили по большому. Кто – то не хотел жить вместе, а кто – то хотел. Двух мальчиков пришлось подселить в комнату девочек, от чего те и другие дико возмущались, а полчаса спустя уже весело хохотали, и те парни, которых поселили отдельно, завидовали – этим двоим до колик в животе.

Потом мы погнали детей на обед, пытались заставить их спать в тихий час. Все вместе придумывали название и девиз для отряда, готовили стенгазету на завтрашний конкурс. Ходили ужинать, на ознакомительную экскурсию по лагерю. Оставив малышня на попечение двух новоявленных воспитательниц, я бегал за вторым ужином: бутылочка йогурта и печенье на всех – на продуктовый склад. И потом, помогал своим Алесе и Надьке укладывать этих оболтусов спать, убеждая, что закрываю их на ключ исключительно ради их же безопасности. Поскольку, по циркулирующим в данной местности слухам, где – то в соседней деревне завелся настоящий педофил. А еще, местные хулиганы вполне могут заявиться в лагерь посреди ночи, и свободолюбивым детишкам, при этой нежданной встрече может очень сильно не повезти. А еще, я изял контрабандное пиво и даже две фляжки со спиртом, конечно забыв про сигареты. Поэтому мои галчата долго втихую курили на зависть другим отрядам, в которых были более опытные вожатые и воспитатели. Я почитал самым маленьким, трем девочкам, оказалось от восьми до десяти, с ними поселилась молчаливая пятнашка Настя, одолженную у воспитателя Алеси книжку про муми-тролей. И вот, когда с захваченным с продуктового склада, вернее – честно стыренным большим красным яблоком, я развалился на перилах веранды, любуясь ночным небом – усыпанным окошками желтых звезд и запутанными туманностями. Слушая

стрекот кузнечиков. «Мои девчонки», к концу дня в своей голове, я называл их только так, сообщили, что: «Надя решила жить вместе со старшими девочками, а мы с Алесей будем жить в пятой комнате – вожатской, потому, что она очень маленькая и туда помещается только две кровати».

Сказать, что я слегка удивился? Я, вообще ничего не понял. Такой вот дурак. А еще, я безумно устал, потому что, как мужчина взвалил на себя большую часть наших обязанностей. И теперь, меня хватило только на то, чтобы тихонечко, докушав яблочко и запулив огрызок в космические дали, сползти с перилл деревянной веранды. Доковылять до своей комнатухи, где аккуратно сложенные заботливыми женскими руками – лежали все мои вещи, и, раздевшись нырнуть в койку. Алеся, тут же выключила свет, но я все равно видел в звездной дымке, проникающей сквозь окна без штор, как она раздевается. Конечно, у меня сразу возникли разные умные мысли, но я уже отрубился, так и заснул с улыбкой мартовского кота на осунувшемся лице.

Проснулся я, спустя шесть часов от завывания пионерского горна, несшегося из репродуктора прямо рядом с нашим окном, такие злодейские штуки были вблизи каждого корпуса, чтобы значаща, дети и их вожатые с воспитателями, не проспали на утреннюю линейку, зарядку, и конечно завтрак.

Алеся в одних белых трусиках и лифчике замерла у окна, я сделал вид, что все еще сплю, и открыл глаза пару минут спустя.

3. Партизаны. Птичка – синичка или мой хвостик по имени – Ксю

Наверное, в двадцать, я был еще настоящим ребенком, потому что все происходящее для меня было только игрой, игрой – идущей по правилам жизни и внутреннего понимания справедливости. С этим у меня вообще беда, многие жалуются на то, что она у меня слишком уж обостренная... Прямо порезаться можно.... «Какая есть», – ворчу я. «Здравствуй, утро!»

*

Если утро начинается с подъема, то день – с зарядки. Нет, тогда еще не было сотовых телефонов и поэтому на зарядке заряжались – люди. Ты не поверишь, зарядка на свежем воздухе в девять утра в сосновом лесу, действительно может зарядить на целый день. И мы заряжались, с жалобными и возмущенными стонами, зато сразу начинали смеяться. Взмах ногой, взмах рукой, прыжки на месте – как зайцы, бег пятьсот метров вокруг огромной поляны... с мягкой изумрудной травой – мокрой от росы. И, какое это счастье, когда эта чертова утренняя зарядка заканчивалась....

Каждый человек должен начинать свой день с ощущения счастья. Счастье, это – такое естественное состояние человека. Я пишу об этом и улыбаюсь..., а как думаешь ты?

После завтрака и умывания холодной водой, мы идем на линейку, теперь уже не безымянный седьмой отряд, а настоящие – «Партизаны». Наш девиз: «Фиг поймаешь!». Когда мы галдим и радостно хохочем: Партизаны!!! Фиг поймаааешь! – локализуя себя в данном секторе пространства, директор лагеря печально качает головой, как будто сдвинулся горный хребет и вздыхает – порыв ледяного ветра в этот утренний летний зной, а остальные тоже хохочут как мы. А я, тихонечко дожевываю огромную печенюху вымазанную сливочным маслом и яблочным джемом, пряча за спиной стакан крепкого чая, больше похожего на чифирь. Просто нам забыли накрыть столы, и пока я бегал разбираться, а потом помогал дежурным накрывать, девочки воспитатели в это время пытались утихомирить детей, сам не успел толком позавтракать. Хотя, если честно, на свой завтрак мы опоздали все вместе, минут на двадцать. Так трудно привыкнуть, жить по расписанию, даже детям. Хотя детям это, по моему личному убеждению вовсе не нужно..., конечно, я ошибаюсь.

Конечно, мы были «липовыми» педагогами, или просто играли роли мам и пап, такими, какими бы сами хотели видеть их... Не знаю, как у нас это получалось, но дети тянулись к нам, как малый росточек тянется к свету. У каждого в отряде завелись свои личные хвостики. Моего хвостика звали Ксюша, или просто маленькая Ксю, была и большая Ксю, но та чаще ходила сама по себе, как кошка, а этой было восемь лет, и она – мой хвостик.

Какая она?

Она вся такая тонкая, как травинка. Крохотная птичка – синичка. Молчаливая, не вытянуть слово. Невысокая для восьми лет, темноволосая, вечно взлохмаченная, прическа похожа на перья, с умненькими, но отчего печальными глазками цвета молочного шоколада, и милой курносостью носа. Отчего в ее глазах поселилась печаль? Ну, тут много причин. Я не спрашивал, как и когда погибли ее родители, но на всем белом свете из близких, тех, что не оставят и не предаст у нее осталась только бабушка Зульфия, крепко занятая ее воспитанием. И это, кажется, вторая причина грусти в глазах этой малышки.

Ее бабушка типичный пример гиперопеки, и ее тягостных последствий, когда любящий человек превращается в тирана. Не знаю, как Ксю вообще отпустили в лагерь, думаю, тут сыграл фактор «бесплатной путевки». Тогда я еще не знал и не понимал, что даже любовью можно задавить. Наверное, от этого самого давления Ксю и ушла глубоко в себя и стала молчать, а не

только от того, что ее родители погибли. Хотя, я не имею права судить об этих вещах, я до сих пор в них не разобрался так, чтобы судить...

За Надюшей хвостиками ходили два брата близнеца – вреднющих и хулиганистых татарчонка. Меж тем, Надюша была для них беспрекословным авторитетом в любых пацанских делах. Возможно, она заменяла им старшего брата, а может..., могу только гадать.

Мы никогда не спрашивали детей об их личных обстоятельствах, просто знали, что у нас они из опекаемых и дети матерей одиночек. Были в лагере отряды из детей полностью из детских домов всего Пермского края.

Алеся была звездой наших взрослых девчонок. Чем она их взяла? Наверное, своим интеллектом и образом лирической героини. Конечно, эти гранд – дамы за ней не ходили как наши с Надюшей хвостики, но тоже, постоянно – случайно оказывались рядом и до обморока обсуждали свои насущные женские дела и проблемы.

Как Ксю стала моим хвостиком?

Впервые увидев ее, я мимоходом сказал: какая ты ужасно пушистая, – и тихонечко погладил ладошкой по голове, пытаясь уложить взлохмаченные волосы. Потом, это стало нашим ритуалом вместо: «здрасьте» при встрече. Затем, куда я бы не отправился Ксю, старалась оказаться рядом, а я пытался отправить ее назад, заняться чем – то, более детским. Например – играть. Но она брала мою правую руку в свою маленькую ладошку, и тут же отпускала. – Хорошо, – отвечал я, на этот невинный жест, и хвостик топал за мной как привязанный. Конечно, иногда, я говорил: «нет», – нужно же мне было ходить в туалет и бегать пофлиртовать с девчонками из соседних отрядов, или перекинутся парой слов с кем – то из малочисленных местных мужчин: директором лагеря, физруком, охранником Филином или фельдшером Геней.

Гена отдельная история. Невысокий, излишне худой, но поджарый товарищ, настоящий блондин с мощными залысинами и ярко зелеными глазами, лет сорока. Он приезжал работать в лагерь Ирень седьмое лето подряд. Я так и не удосужился узнать, кем, и где он работал, там за лагерными воротами, в обычной жизни. Сюда он приезжал из-за молодых девчонок. – Ты понимаешь, – вещал мне Геннадий за чашечкой чая с конфискованным мной у детишек спиртом, – здесь столько молодых симпатичных девчонок и почти никакой конкуренции, их штук пятнадцать, двадцать, конечно я имею в виду, только половозрелых особей, – хмыкал Геннадий. – А мужиков, – он благосклонно кивал в моем направлении, от силы пять, шесть, если считать пьянчугу слесаря – дядю Мишу.

– Ну и как...? – спрашивал я, – выходит.

– Три четыре романа за лето, – гордо улыбался плешивый Гена, и я ему почти верил, вспоминая, как у окна раздевалась Алеся.

– Пойду ка я, к своим...

– Конечно, иди, – на лице Гены расплылась такая масляная улыбка, что мне тут же захотелось смыть ее остатками чая со спиртом, или своим кулаком, но я сдержался.

Когда я вернулся в свой родной седьмой корпус в час ночи, там не спали.

Кто-то из старших девчонок разбил стекло в оконной раме изнутри, кажется, в него случайно попало яблоко, да то самое – яблоко раздора. Не знаю, чего они его не поделили: так не доставайся же ты никому..., да еще ночью. Конечно, я ругался, достаточно громко, чтобы проснулись все остальные. В окне старших девочек зияла большая дыра, на улице ночь. Притопавшая из соседнего корпуса на шум вожатая – рыжая Галя, зевая, сказала, что: это ничего, просто стоимость нового стекла вычтут из моей зарплаты, так уже было...

Как существо мстительное, однако – слегка дальновидное, чтобы в это самое открытое теперь окно наши перезрелые девочки не усвистали посреди ночи на встречу приключениям, и не пустились во все тяжкие, я согласился посидеть с ними пока они не уснут. А чтобы не заскучать, и самому не уснуть, рассказывал им разные страшные истории, коих знаю чертову кучу.

Просидев так с пол часика, я сказал, что устал и отправился спать сам, в свою комнатушку, что мы делили вместе с Алесей. Поспать мне, конечно же, не удалось, наши взрослые девочки все – таки выбрались в разбитое окошко и уже через час скреблись у порога вожатской жалобно стена. Кентервильское приведение точно бы удавилось от зависти, услышав эти завывания. Что им было нужно? Они требовали, чтобы «раз я их так запугал», значит «должен теперь охранять», желательно изнутри комнаты. Я долго отказывался, обращаясь к отсутствующей у них по малолетству совести, пока ночевать вместе с ними не согласилась – Надюша, сказав, что «постелет матрасик в их комнате у дверей», тут уж возмутился я и перетащил ее кровать из соседней палаты.

В итоге на утро проспали все, весь наш отряд, на зарядку не ходил, на линейку опоздали, за что нам впаяли выговор и внеочередное дежурство по лагерю.

4. Глухонемые птицы, утята и хулиганы

На свое штрафное дежурство мы заступили с обеда, на радость третьему отряду, который только успел накрыть завтраки и даже не приступил к уборке территории лагеря.

После завтрака Алеся, Надежда и я разделили своих разбойников на три группы, с самой многочисленной, состоящей практически из одних парней и одной девочки, Надюша вызвалась провести уборку лагеря и отправить двух оболтусов – на пост у восточных ворот в лес, у западных ворот дежурил охранник Филин.

Алеся с младшими девочками и несколькими пятнашками отправилась следить за купанием малышей на реке в качестве дежурных спасателей, а потом помогать готовить Вселагерный вечер большой моды.

Я с шестью девчонками взял на себя дежурство по кухне. Мы должны были помогать кухонным работникам: накрывать, распределять отряды по секторам, а также вовремя, убирать грязную посуду со столов.

Дело оказалось хлопотным, суетливым, но при этом – чрезвычайно калорийным. Веселые – дородные поварахи из соседней деревни «Чижи», вовсе не жаждали повесить на нас все свои обязанности, а большую часть работы делали сами. Только то и дело возмущаясь, что мы такие худые, и заталкивали в наши лапы, то свежеиспеченные булочки, то стаканчик компота или кефира, зеленые хрустящие яблоки или свежую морковь – как кролям, и еще – постоянно предлагали сесть и немного перекусить вместе с очередным отрядом.

А мы носились как белки – летяги, когда в один момент наступила заминка. На ужин не явился большой отряд глухонемых детей. Я взялся сбегать их и разыскать. Как выяснилось, отряд, глухонемых в котором числились одни девочки от 12 и до 16 лет, расквартировался в зимнем – каменном корпусе на втором этаже.

Сориентировавшись быстро и думая, что на столах остывает ужин этих потеряшек, я рванул в нужном направлении, сверкая своими пяточками.

И вот стою и стучу в дверь палаты, я – существующий еще по правилам обычных людей. И ничего не зная, о том, как живут – там, за этой дверью. Конечно, мне никто не открывает. Я сам открываю эту дверь, с криком: – Здравствуйте, я дежурный – вожатый, – мгновенно оказываясь в параллельной реальности. Здесь, в параллельном мире, все происходит плавно и не спеша, как на дне океана, кто – то переодевается стоя в одних трусиках, кто – то валяется на кровати с книжкой, грызет печенье, или показывает что – то ладошками у окна. У некоторых девчонок движутся губы, но только без звука. Я же не знал что это девичий отряд.

Я кричу: Я зашел!!!! – но меня никто не слышит. Чувствую себя как по ту сторону аквариума с чудными тропическими рыбками. Или как будто, я стал невидимым – каким ни будь бесплотным духом. Даже, когда одна из девчонок меня замечает, и трогает подругу стоящую рядом ладошкой за плечо, ту, что переодевалась, та лишь быстро накидывает на себя, лежащий на кровати халатик, а остальные так и остаются жить – там, в своем зазеркалье. Или вернее, это я – вне их мира – там, за глухой стеной.

Наконец, я догадываюсь отвернуться, взяв со стола листок белой бумаги и маркер, пишу:
ВЫ ДОЛЖНЫ ИДТИ НА УЖИН! Я ЖДУ....

И обхожу с этим листочком всех. Я так и не узнал, куда подевалась их вожатая и оба воспитателя, но, не сдержавшись, рассказал эту историю дежуривших вместе со мной по кухне – девочкам.

– Совершенно глухие и не могут говорить!!! – схватилась за голову наша единственная в отряде блондинка – Маша, большая актриса.

– Как же они танцуют, когда не слышат музыку? – спросила меня, такая всегда рассудительная восьмилетняя девочка Эля.

– Может вы, их – научите...? – решил я тогда пошутить.

А девчонки восприняли эту идею серьезно...., они загорелись, тем более именно сегодня вечером намечалась большая дискотека на открытом воздухе, на площадке у каменного – зимнего корпуса.

*

Девочки из моего отряда не знают языка жестов, зато Маша и Эля профессионально занимаются танцами, с пришедшими по отправленной им записке с пятью глухонемыми девочками (хотя звали всех) они объясняются движениями, эмоциями на лице, а еще своими губами, как можно выразительнее произнося посредством мимики то, что хотят сказать, или объяснить. Вот мои героини – Эля и Маша показывают девочкам из особого пятого отряда основные движения и предлагают их для начала, за ними просто повторить, когда для тех, кто слышит, начинает играть музыка из динамиков, закрепленных проволокой на стволах высоких сосен под темнеющим небом, наполненным теплыми летними звездами.

Глухонемые девочки, чтобы видеть не только своих новоявленных учительниц, но и друг друга, располагаются полукругом и повторяют за ними, все, что через мгновение превращается каким – то чудом в связанные движения рук и ног, всего тела. Так, буквально на глазах рождается ...танец глухонемых птиц. Почему.... птиц? Ну, они как лебеди столь же грациозны и красивы в своем полете, когда машут крыльями – рук....

Из этих пяти птиц, на следующую дискотеку пришли лишь четверо, зато с собой они привели еще трех девочек, и вновьприбывших, наши Эля и Маша также учили танцевать, я наблюдал за этим – чудодействием какое-то время, сидя на лавочке у старого клена, а потом стало не до дискотек, навалилось множество других дел.

Однажды я вырвался вечером на реку, уже после отбоя, ходил по земле голыми ступнями ног и смотрел на мерцающие в небе большие теплые звезды, вдыхал ветер свободы, и слушал, как ветер колышет буйные травы.

Они появились из высокой травы, той, что у самой воды – маленький мальчик в красных кроссовках, и за ним четверо утят, шли – переваливаясь с лапки на лапку, как за мамой уткой.

– Что ты ту делаешь один!!!! – мой вопрос, больше похожий на крик. И его указательный пальчик, прижатый к губам.

– Тише, вы можете их напугать...

– Ты с ума сошел заяц, а если тебя потеряют, или что – то с тобой случится..., из какого ты отряда?

– Я один, мы с сестренкой одни. Нас, – шепотом продолжил утенок, – оставили в вашем лагере на время, пока не приедут родители из Кунгура. Мы гостили у бабушки в Перми, но она заболела, нас отправили в лагерь «Исток». Бабушка не встретила нас со смены, так и осталась в больнице, а потом нас перевезли сюда. Говорят, что ждать здесь – ближе. А мама и папа приедут через день или два, – вздыхает этот утенок. Вся стайка птенцов топчется у его ног, прижимаясь к ним своими пушистыми шейками.

– Сколько тебе лет, заяц?

– Уже шесть, я скоро пойду в первый класс.

– А сестре?

– Ей, восемь, но я за нее отвечаю, – гордо шепчет мальчик – утенок.

– А где сестра?

– Вот – вот вернется, она побежала за печеньем для этих ребят.

– Ну что вы тут делаете?

– Утенок только пожимает плечами, а потом кивает на толпящихся у его красных кроссовок птенцов. – Мы их еще сутки назад нашли, они тоже одни, – вздыхает утенок. – Теперь их тут спрячем, в лагерь нельзя...

– Но, нельзя – же, уходить посреди ночи!

– Там нам плохо, очень..., – хмурится мальчик.

– Рассказывай, – требую я, громким шепотом.

– Большие мальчишки пробили в стенке дыру и пугают, пускают дым сигарет и не только..., все равно спать не дают. Сказали, если нажалуемся, избьют меня и сестру, а я за нее отвечаю – аю – ю – ю, – плачет утенок.

– Ну что ты, заяц, – я вытираю ему слезы подолом своей клетчатой рубашки, когда слышу легкие шаги за спиной, там стоит худенькая востроносая девчушка очень похожая на мой хвостик Ксю. – Что же с вами делать...?

Для начала мы кормим принесенным девочкой печеньем утят, самое интересное, что они его едят, тихонечко пощипывая протянутую ладошку своими клювиками. Потом мальчик отводит их в высокую траву, и я слышу, как он убеждает утят спрятаться и не шуметь. Я же отвожу этих ночных путешественников на опеку к Алесе, кратко объяснив ей сложившуюся ситуацию. Алеся лишь кивает, достав из-под кровати свой чемодан, а из него парочку теплых свитеров и кулек шоколадных конфет.

Это третий корпус, близко от нас, но находится он на самой окраине лагеря – вблизи ограждения, за которым настоящий лес. Я заглядываю в окна палаты, там не спят, кто – то режется в карты, кто – то курит прямо сидя на кровати. Это старшая группа с 14 до 16 лет, дети, но больше похожи на мужичков, отмотавших не один срок, ребята из какого – то деревенского детского дома в Коми. Стучусь и захожу, как будто ныряю в холодную воду, они даже не пытаются прятать сигареты.

– Че надо?

– Я вожатый седьмого.

– Че надо вожатый?

– Че надо..., – я набираю в голосе как можно больше стали, – ребят за стенкой обижать не надо.

Эти гимадриллы ржут.

– Это, наши – шныри, че хотим то и будет.

– Да, – пытаюсь улыбаться я. – А ниче вы тут забурились, может вам лучше в психушке отдохнуть, а не по детским лагерям отъедаться. Хотите, могу устроить, больше никогда не поедете в нормальный лагерь.

Гимадрилы лишь хохочут и посылают меня по известному адресу.

Разозленный, я стучу в дверь их воспитателей, честно просто пинаю сию дверь своими ногами. Открывает мне тетка лет сорока с оплывшим лицом и взглядом на жизнь – профессиональной хабалки.

– Че надо?

Старая песня.

Я пытаюсь втолковать ей суть происходящего, но получаю тот – же ответ.

И вот, обвешанный со всех сторон ...уями, я иду по спящему лагерю, думая, что теперь делать с этими утятами..., когда сзади, зашумев с ветки в полет срывается большая ворона: кар-р-р.

Я обернулся.... В кабинете директора лагеря горит свет. А сам старый асс, сидит на крыльчке, в тени, и мнет сигарету.

– Закуришь?

– Да я давно бросил, наверное, сразу же, когда начал...

– Я тоже, пытаюсь... Что случилось?

Карррр, – напомнила о себе черная птица.
Не задумываясь, я рассказал.
– Иди спать...
– А утята?
– Уже ночуют у вас...
И я ушел...

А утром, за утятами приехали их родители из Кунгура. Мне как раз снова нужно было куда – то срочно уходить, с ними осталась Алеся. А утенок все равно нашел меня, перед тем как уехать. Он мчался со всех лап, в своих красных кроссовках, кажется, обгоняя ветер, я его обнял: Ну, пока...

– Оставьте мне свой номер телефона..., я вам буду звонить...

Я сказал: нет...

Утенок посмотрел на меня удивленно своими большими глазами – цвета кофе, развернулся и молча очень медленно, пошел обратно – к родителям.

Я хотел крикнуть его спине: что «у меня нет телефона!!!» Но не стал этого делать, не знаю, почему..., просто решил, что «так – нужно...»

А вожатая гимадриллов, с тех пор стала обходить меня стороной, их отряд шагал все чаще строем, а не как банда гопников, видимо директор лагеря провел с ними воспитательную беседу.

Куда делись птенцы? – спрашиваешь ты.

Алеся, рассказала, что: мальчик перед самым отъездом притащил с реки большую картонную коробку, и погрузил ее в машину мамы и папы. Думаю, они были там...

Хулиганы. В нашем лагере, действительно водились настоящие хулиганы. Иногда они приходили из соседней деревни к нашим девчонкам – крутить амуры, а иногда, чтобы – подраться. Я слышал, об этой истории краем уха, когда крутился, исполняя свои обычные вожатские обязанности. Кажется, однажды, они заявили в наш лагерь посреди ночи «в дупель пьяные», как говорят на наших заводских окраинах, и начали, громогласно матерясь требовать: «бухла и баб!». Успокаивать их вышли: сторож, он же единственный охранник – Филин, директор лагеря, физрук и еще один вожатый из близлежащего к месту эпической битвы корпуса. Хулиганов было восемь человек, но наши все равно им от всей души – навалили. Обиженные хулиганы, уже потом, по трезвяку, заявили к нам на разборки, как в том анекдоте – про цыган... В восьмером забившись в старый, разваливающийся на ходу запорожец, взяв с собой самоструганные бейсбольные биты и ржавые цепи.

Был вечер, и большой лагерный костер в честь Дня Нептуна на берегу реки Ирени. Эти мудаки перевернулись на своем запорожце съезжая с крутого серпантина. Желаящих их достать сразу не нашлось, лишь полчаса спустя, когда всех детей увели с берега реки, так как бензобак автомобиля мог взорваться, те же: директор, филин и физрук, вытащили этих придурков из помятого запорожца, сильно поломанных, но живых.

Конечно, никакой бензобак никогда бы не взорвался, потому, что был пуст, у них хватило бензина только чтобы доехать до нас. А машина оказалась отца одного из хулиганов, за что сии герои впоследствии, огребли дополнительных люлей. И больше, в нашем лагере не показывались, по крайней мере, при мне..., а мое эпическое сражение было еще впереди.

5. Девяносто девять мешков шишек или чем мы вообще там занимались... Валерия и гусь

Чем мы вообще там занимались, в этом самом лагере «Ирень»? Жили...

Перед Днем Нептуна, запомнившимся – падением хулиганов и после дискотеки в день дежурства, был Вселагерный вечер большой моды. Его готовила Алеся с девочками. А я найдя немного времени, завалился в тот вечер спать. Но поспать мне не дали. Меня разбудила Ксю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.